

Г Е Р О И живут рядом

Широкий читатель знает направление прозы Василия Ардаматского, и поэтому его увлекательные книги о героизме советских людей — на фронте, в разведке, в мирном строительстве — не залеживаются в книжных магазинах, не пылятся на библиотечных полках. А над чем сейчас работает писатель? Этот вопрос, судя по письмам, интересует не только читателей, но и зрителей, ибо В. Ардаматский давно связан с кино. С этим вопросом и я пришла к писателю.

Василий Иванович рассказывает, что сейчас в издательство он передал для дополненного издания роман-хронику «Последний год». Работу делал с чувством ответственности перед читателями и критиками. Ведь интерес к документальной исторической прозе у нас велик, а в архивах хранятся бесценные документы истории.

В дополненной рукописи использованы данные о некоторых существенных событиях последнего года русской монархии (отсюда и название). Вот, скажем, некоторые. Царь додумался провести во дворце прием представителей рабочего класса для видимости примирения с ним, а перепуганное царской затеей охранное отделение переодело рабочими своих агентов. Что же вышло из этого маскарада, читатель узнает из книги...

— Вы плодотворно сотрудничаете в кино...

— Недавно закончен киносценарий под названием «Взятка». Работа, как всегда, основана на действительном факте, факте, приведем, к сожа-

лению, к трагедии, смерти... Продолжаются съемки шестисерийного телефильма по мотивам моего романа «Возмездие». Сейчас идут работы над эпизодами, в которых действуют Феликс Эдмундович Дзержинский и его соратники. Образ Дзержинского создаст артист Михаил Козаков.

В прошлом газетчик, радиожурналист с солидным стажем, сейчас Ардаматский увлеченно пишет повесть о сотрудниках районной газеты.

— Журналистика — начало всей моей судьбы, — говорит писатель. — И поэтому у меня давнее пришло: куда бы ни приехал — зайти в редакцию местной газеты. Еще во времена работы над сценарием многосерийного телефильма «Опровержение» думал о повести, при написании которой не был бы скован законами телеэкрана, очень специфическими, исключающими, скажем, авторские размышления. А тема повести, которую опять-таки подсказала жизнь, как и профессия героев, требует не только действия, но и постоянного размышления. Повесть движется вперед, движет ее острый сюжет, драматические коллизии.

Замечу, что события повести, — продолжает мой собеседник, — опровергают мнение городского жителя о том, что в районной газете и читать-то нечего. Кто хоть несколько дней прожил в районе, в колхозе, знает, как любят там свою «районку», какие вокруг нее возникают дебаты, и все оттого, что в газете отражаются кон-

кретные, насущные вопросы местной жизни. Хорошая районная газета каждой строкой своей обращена к человеку, его труду, радостям и огорчениям. И тем больший вред могут нанести небрежность, ошибка.

Не могу не сказать, что темы нравственного характера меня давно и глубоко волнуют. В романе «Суд» и киносценарии «Взятка», скажем, пытаюсь разобраться в природе явлений, чуждых нравственному строю нашего общества...

Традиционный вопрос о любимом занятии не вызывает у собеседника снисходительной улыбки. Он к месту. Дело в том, что занятие это служит своего рода фундаментом для творчества. Собираение книг по истории России и Советского государства соединяет новую для писателя информацию с удовлетворением страсти библиофила. Вся его библиотека состоит из редких изданий.

Но самое интересное, что мне показал Василий Иванович, это записные книжки. Всю жизнь ведет дневники. Сохранились сотни блокнотов. В свободные часы писатель любит брать потрепанные временем записи и изучает своеобразный протокол собственной жизни. И не просто изучает, но активно использует, черпает здесь материал. В любой поездке, на любой стройке в кармане — записная книжка...

— Нет ли желания только на дневниковой основе написать книгу? — спрашиваю я.

— Признаться, все время думаю о возможности такой вот репортерской вещи. Есть у нее уже и название: «Царапины на памяти», но нет пока книги... А любопытное может получиться издание...

Л. СЕРГЕЕВА.